

Т.А. Исаченко

Российская государственная библиотека, Москва

**«Александрия» Чудова монастыря под № 51/353, сер. XV в.
Особенности перевода и языка**

Аннотация: Популярная средневековая повесть об Александре Великом стала для русских читателей основным источником сведений о македонском царе, покорившем Восток, дошедшем до края земли и заглянувшем в потусторонний мир. Перевод относят к группе древнерусских переводов, появившихся на Руси достаточно рано (XII в.). В пределах настоящей статьи рассматриваются эпизоды повествования, которые наглядно демонстрируют, с какими трудностями перевода сталкивались переводчики и переписчики текста на разных этапах его освоения: на этапе первоначального осмысления текста (XII в.); при вторичном его освоении (XV–XVI вв.); наконец, на этапе современного перевода. Перевод Ал. выполнен в кирилло-мефодиевских традициях. Основным филологическим показателем здесь является соответствие смысла и выражения, понятность и простота, тяга с этимологизацией, использование иноязычных вкраплений для обозначения терминологически привившейся лексики.

Popular medieval tale about Alexander the Great were the main source of knowledge about the macedonian tsar for Russians. The article is devoted to some problems of Slavonic translations of the tale.

Ключевые слова: трудности перевода, смысл и выражение, понятность и простота, этимологизация, иноязычные вкрапления, терминосистема

Образ Александра Великого исключительно важен для русской истории. Средневековая повесть о легендарном полководце стала для русских читателей, пожалуй, основным источником сведений о македонском царе Александре, покорившем Восток, дошедшем до края земли и заглянувшем в потусторонний мир. Цель этого похода – подчинение себе могущественного Вавилона и окрестных земель, народы которых, по мнению, высказанного от имени Александра славянским переводчиком, столь нечестивы, что, в случае завоевания ими Святой земли, они осквернят ее святыни. Эта тема стала доминантой произведения. В отдельных списках памятника называется еще одна цель, стоявшая перед Александром – желание обрести бессмертие. Рассказ о победах Александра содержится в форме пророчеств в библейской книге пророка Даниила (VIII, 20–21), а в «Александрию», в свою очередь, включен сюжет о гробницах трех отроков, плененных когда-то Навуходоносором и погребенных близ Вавилона, в который вошел Александр. Таким замысловатым образом сюжет перекликается с книгой пророка Даниила. На русской почве сюжет развивается так, что Александр является покоренным народам провозвестником будущего христианства, а идея бессмертия, которого добивается он, постепенно соединяется с идеей бессмертия души. Из Поучений Кирилла Александрийского известно, что три отрока, о которых повествует книга пророка Даниила, не отступили от веры отцов и встретили мученическую смерть, казненные мечом царя Аттика. Сокрытые до пришествия Христа, они после Его Распятия, были

воскрешены в числе первых 500 праведников. Так, через заимствование сюжета, идея бессмертия соединилась в «Александрии» с идеей воскресения.

Современные исследователи, вслед за А.И. Соболевским, относят «Александрию» (далее: Ал. – *Т.И.*) к группе древнерусских переводов. Перевод Ал. появился на Руси достаточно рано (XII в.), причем в полемике с В.М. Истриным акад. А.И. Соболевский даже привел аргументы в пользу того, что славянский текст (так называемой, Сербской Ал.) разъясняет некоторые места сохранившихся греческих списков и, следовательно, влияние греческого текста на славянский следует рассматривать с учетом предшествующего обратного влияния славянского на греческий [Соболевский, 1905, с. 140–145].

Текст Ал., включенный в Летописец Еллинский и Римский, позже вошел в Лицевой летописный свод (ЛЛС) как памятник хронографии. О.В. Творогов уточнил А.А. Шахматова и В.М. Истрина относительно времени появления 2-ой редакции ЕЛ – до 1435 г. и доказал использование в ЛЛС текста так называемого русского хронографа редакции 1512 г. [Творогов, 1975; 1989, с. 18–20]. Таким образом, в 1568–1576 гг. хронографическая Ал. была включена в состав второго тома ЛЛС (БАН, 17.17.9)¹. В.М. Истрин опубликовал древнерусский текст Александрии по четырем славянским спискам, в том числе списку Чудова монастыря № 51/353, сер. XV в., который исследовался в нашей работе [Истрин, 1893].

* * *

Перевод хронографической Александрии примыкает к группе так называемых «энциклопедических» переводов², созданных в стенах митрополичьего скриптория XVI в. Своей популярностью в читательской среде эти тексты опровергают тезис Я.С. Лурье о правлении вел. кн. Василия Ивановича III как о «времени жесткой унификации русской культуры» [Лурье, 1960, с. 144–145]. Движение истории во всех рассматриваемых текстах осуществляется по одному и тому же кругу – из некоего мирового центра через Вавилон и Персию, державу Александра Македонского, Египет, Римскую империю и Византию на Русь.

В связи с новой волной интереса к Летописному Своду, вызванной подготовкой его современного факсимильного издания [Александрия, 2008], актуальность приобретает вопрос комментированного перевода Александрии, который в указанной (хронографической редакции) ранее не был осуществлен. Проблема такого перевода, в свою очередь, связана с обсуждением проблем переводческой практики и выработанных ранее критериев, анализом близкого круга текстов, историко-культурного контекста эпохи.

В пределах настоящей статьи рассматривается несколько эпизодов повествования, которые наглядно демонстрируют, как на разных этапах освоения текста переводчики сталкивались с определенными трудностями перевода: на этапе первоначального осмысления текста (согласно Истрину-Соболевскому, это

¹ Александрия 2-й редакции, по В.М. Истрину, легла в основание текста второго тома ЛЛС, так называемого, Хронографического сборника БАН, лл. 587–797об. Том подготовлен к изданию [Александрия, 2008].

² К энциклопедическим рассматриваемые труды XVI в. отнесены нами, исходя из значения греч. *enclusios*, ‘круговой, совокупный, систематический’. Эпоха XVI в. характеризуется появлением энциклопедических сводов: Сводная Кормчая – свод важнейших церковных правил и гражданских законов, Лицевой летописный свод – самый значительный иллюстрированный хронограф средневековой Руси, Степенная книга царского родословия – важнейший идеологический памятник эпохи и Великие Четии Минеи – крупнейший нравоучительный четий свод этого времени.

изваянии кумира, именуемого Ептавей, которого увидел Александр. На месте греч. τῆ Πλαβῆτων фигурирует вымышленное имя Ептаавей (ошиб. прочтение с вариантами написаний: *Нентавей, Егунет*);

в) к подобного рода ошибкам можно отнести *врата адовы* – предмет полемики Соболевского с Истриным.

III этап переводческой деятельности характеризуют трудности современного перевода, с которыми автор данной статьи столкнулся в процессе подготовки комментированного перевода Ал. в современном издании Летописного Свода. Примерами служат выражения ⲕⲓⲗⲓⲛⲓⲥⲓ, ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ и ⲙⲓⲛⲓⲥⲓⲛⲓⲥⲓ.

ⲙⲓⲛⲓⲥⲓⲛⲓⲥⲓ. Перевод выражения связан с попыткой толкования астрологических знаков, изображенных на скрижалях царя Нектанав, увлекавшегося астрономией и некромангией. Ал. открывается словами, которые ставят ее содержание в общую связь с текстами русского хронографа: «По Дарьи же [царе] Арсумуяине царствова Александр Макидоньский лет 12» (т.е. «Александр Македонский царствовал двенадцать лет после ассирийского царя Дария арсумуяина»). За этим следует родословная и сведения о родителях, в связи с чем появляется образ царя Нектанав-египтянина: «Мудрецы египетские, писавшие о Нектанаве, свидетельствовали, что тот отказался от чести царской, предпочтя ей звание кудесника». «И прославился Нектанав во всей Македонии своими пророчествами и умением гадать по звездам и стал известен всем живущим в стране той своим волшебством. Также и царица Олимпиада, слышавшая о нем, пришла к нему ночью – Филипп, муж ее, ушел тогда на войну – и, узнав от него то, что она хотела..., сказала: “Ты ли тот египетский учитель, которого испытали все и нашли в словах его подтверждение? Также и я хочу испытать тебя, действевна ли твоя хитрость, тогда поверю тебе”».

Нектанав отвечает Олимпиаде: ««Многоятежно есть ремество мор, о царице. Суть часници стражеве, раздрешители знаменьемъ, податели съномъ ... рожденю влѣхвове ...И вложив рѣку за пазѣху свою и выя дщицю, еяже слово указати не можетъ: златомъ тканымъ и слономъ обложена, имеющи звездъ седмь и часъный стражъ, солнце и лѣну...».

Объяснение смысла магических знаков на дощечках египетского царя вызывает определенную трудность. Выражение ⲕⲓⲗⲓⲛⲓⲥⲓ, дважды употребленное в этом описании (один раз во множественном числе – часници стражеве), не зафиксировано историческими словарями. В тексте проясняется смысл этого выражения, выражению ⲕⲓⲗⲓⲛⲓⲥⲓ дается парное слово ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ в значении ‘небесные часы’: «И вложив руку за пазуху свою и выя дщицю, еяже слово указати не может: златом тканым и слоном обложена, имеющи звезд седмь и часъный стражъ, солнце и луну. Солнце же убо бяше хрустально, а луна адамантина, другой нарицаемый и Зеус въздушный, другой же Крон змеев, Афродити та же самѣфирова, Арии же аматит, Ермаи же изъмарахтин, ороскоп же лугедин».

ⲕⲓⲗⲓⲛⲓⲥⲓ (ⲕⲓⲗⲓⲛⲓⲥⲓ) ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ первой редакции Ал. видоизменен во второй редакции, где в данном месте читается ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ, из чего следует, что др.-слав. ⲕⲓⲗⲓ эквивалентно др.-слав. ⲙⲓⲛⲓ. Согласно диалектным данным, выражение *пояс на небе* означает ‘млечный путь’ [Даль, 1882, т. 3, с. 376]; ср. у Иосифа Флавия: ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ. Из чего следует допустить, на дощечках Нектанав присутствовало изображение млечного пути или зодиакального круга. Такие изображения действительно встречаются в русских средневековых рукописях.

Необъясненным при этом остается смысл, кроющийся в слове ⲙⲓⲛⲓⲥⲓ. В интересующем нас контексте слово историческими словарями не прокомментировано. Диалектный материал позволяет восстановить у слова *страж* (в уменьшительной его форме *стражик, сторожик*) редкое значение

В.М. Истрин в свое время писал по этому поводу: «Переводчик вообще старался передавать греческие слова на своем языке и лишь в различных названиях удерживал слова оригинала, не переводя их; немного слов, которые не подходили бы под категорию технических названий, но и то надо объяснять, как следствие непонимания греческого текста, что в переводе встречается не редко» [Истрин, 1893, с. 82].

В тексте присутствует около 150 грецизмов, большая часть которых хорошо адаптирована переводчиком и употребляется, главным образом, терминологически: кидарь (греч. κῆδαιρῖφ), царское украшение первосвященников, головное покрывало (л. 630), вусь (греч. βυσσοφ), тонкая льняная ткань (в ЛЛС нередко в форме: *от вуса съскано*; л. 630 об.), подирь (греч. ποδῆρηφ), акинф (греч. ἀκινθοφ), *яхонт*. Поэтому, когда в тексте встречаются малознакомые непереведенные выражения, такие как **палица евелова** (л. 587) – статусная принадлежность кудесника Нектанава, или **панкратья** и **мантомаха** для обозначения видов единоборств, то гипотетически можно предположить терминологичность этих понятий. И то и другое выражение в момент создания перевода могли быть хорошо известны на Руси (греч. πᾶβδον πᾶβελιν≈v, *палица из черного эбенового дерева, которое не поддается гниению*; μάγτομᾶχοφ, *борьба с ремнями*).

Следует указать ряд заимствований из латинского, немецкого, польского языков, которые в Ал. немногочисленны и отмечены в Словаре русского языка XI–XVII вв. ранними фиксациями:

1. яко шелковицы *шиду*, л. 702 (т.е. как тонкопряжи прядут шелковую нить), *шида* происходит от др.-верх.-нем. Side, лат. sēta, *шелк*);

2. дал ей *за вено* Рим, л. 625 (т.е. царь же Вуз взял ее за себя, и в качестве выкупа за невесту отдал Рим), *вено* происходит от лат. venum, *приданое, выкуп за невесту*;

3. акы с храбрыми некыми и с *сведоки* ратем, нь акы с простыми и с страшливыми женами, л. 654 об. (т.е. я же готовлюсь к сражению с вами не как с храбрецами некими, прославившимися ратными подвигами, но как простыми и пугливыми бабами), *сведоки* происходит от др.-рус. сѡвѣдѣти, пол. swiadek, с XVI в.

Изучение переводных литератур и переводческих школ русского средневековья имеет солидную традицию. Опыт, накопленный палеославистикой в этой области, отличается вниманием к культурным связям России и Византии. Отмеченные наблюдения позволяют перейти к философскому обоснованию бытовавшей в XV–XVI веках переводческой практики, к описанию расхождений в использовании переводческих приемов. Комментированный перевод на современный русский язык хронографической Александрии (Александрии 2-й редакции по В.М. Истрину), легкой в основание текста второго тома ЛЛС и читающейся в рукописи Чудова монастыря № 51/345, послужил основой для наших наблюдений и соответствующих выводов.

Литература

Александрия Хронографическая второй редакции Псевдо-Каллисфена (Жизнеописание Александра Македонского // Лицевой летописный свод. Хронографический сборник. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи из фондов Отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук. (Лл. 587 – 797 об. Комментированный перевод Т.А. Исаченко). М., 2008.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. СПб. М., 1880–1882. Т. I–IV.

- Истрин В.М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.
- Лурье Я.М. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв. М., 1960.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990. Т. III.
- Соболевский А.И. К истории заимствованных слов в переводных повестях // Известия Отделения русского языка и литературы Имп. Академии наук. СПб., 1905. Т. X. Кн. 2.
- Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Творогов О.В. Летописец Еллинский и Римский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вт. пол. XIV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2. Л–Я.